УДК 316.73

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В КУЛЬТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

О. М. СОКОЛОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет культуры и искусств,*
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Исследуется формирование образов прошлого на примере коммеморативных практик (топонимов, памятников, муралов) в культурном пространстве белорусского города. Памятники, посвященные знаковым личностям, с одной стороны, отражают социокультурную динамику места, а с другой – вызывают конфликты памяти. Рассматриваются сложные и диалектически неоднозначные связи, которые формируют структуры взаимодействия истории, традиций и коммеморативных практик. Акцентируется внимание на вопросах манипуляции образами исторического прошлого, адаптивности стратегий мемориализации к национальным интересам. Выступая в качестве актуальной практики сохранения национального историко-культурного наследия, проблема коммеморации в условиях современных городских ландшафтов является значимой и востребованной как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: образ прошлого; знаковая личность; коммеморативные практики; культура памяти; городское пространство; памятник; Беларусь.

IMAGES OF THE PAST IN THE CULTURE OF THE BELARUSIAN CITY: FORMATION PRINCIPLES

O. M. SOKOLOVA[a]

[a]*The Belarusian State University of Culture and Arts,*
17 Rabkoraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The formation of images of the past is investigated on the example of commemorative practices (toponyms, monuments, murals) in the cultural space of the Belarusian city. Monuments dedicated to iconic personalities, marking the space, on the one hand, reflect the socio-cultural dynamics of the place, on the other, they cause conflicts of memory. The author points out the complex and dialectically ambiguous connections that form the structures of interaction between history, tradition and commemorative practices. Attention is focused on the problems of manipulating images of the historical past, adaptability of memorialisation strategies to national interests. The problem of commemoration as an actual practice of preserving the national historical and cultural heritage in the conditions of modern urban landscapes is significant and in demand both in theoretical, methodological and practical terms.

Keywords: image of the past; iconic personality; commemorative practices; culture of memory; urban space; monument; Belarus.

Образец цитирования:
Соколова ОМ. Образы прошлого в культуре белорусского города: принципы формирования. *Человек в социокультурном измерении.* 2021;2:49–56.

For citation:
Sokolova OM. Images of the past in the culture of the Belarusian city: formation principles. *Human in the Socio-Cultural Dimension.* 2021;2:49–56. Russian.

Автор:
Ольга Михайловна Соколова – кандидат культурологии; начальник отдела редакционно-издательской и полиграфической работы, доцент кафедры культурологии факультета культурологии и социально-культурной деятельности.

Author:
Olga M. Sokolova, PhD (cultural studies); head of the department of editorial, publishing and printing work, associate professor at the department of cultural studies, faculty of culturology and socio-cultural activity.
red-otdel@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-5213-8410

CC BY NC

Введение

Образ города, расширяющий пространство в культурном смысле, определяется такими аспектами, как человек и событийность, относящаяся к знаковым личностям. Культура сознательного увековечения конкретных людей и их достижений выступает важной составляющей культуры памяти современного общества. Осмысление образа прошлого в контексте социокультурного развития является актуальным и подтверждается активизацией исследовательского интереса, что нашло отражение в статьях Л. Н. Мазур [1], Н. Л. Мысливца [2; 3], Л. П. Репиной [4], М. Л. Шуб [5].

Цель исследования – определить принципы формирования образов прошлого в культуре белорусского города.

Основная часть

При исследовании динамики культуры используется биографический подход, который описан в работе «Культура и взрыв» М. Ю. Лотмана. Автор видит закономерность в том, что «исторически взрывные эпохи выбрасывают на поверхность “великих людей”, то есть актуализируют мир собственных имен» [6, с. 119].

Таким образом, анализ формирования конкретных образов прошлого осуществляется с применением *принципа историзма*, при этом социокультурное явление и культурный деятель оцениваются с учетом специфики исторического периода и условий развития общества, а не с позиций современности. В соответствии с названным принципом, принимающим во внимание достижения деятелей прошлого на определенных стадиях динамики культуры, сохраняются, например, памятники советского времени, устанавливаются памятники, фиксирующие исторический опыт и актуализирующие исторические сюжеты. Создание живых образов прошлого решает задачу формирования культурной памяти социума как с точки зрения достижений, так и в зависимости от травматического опыта.

Значимая личность, наравне с событием и местом, выступает составной частью коммеморативного ядра культуры памяти, однако важным является не событие (биография), а тот смысл, который его сопровождает, т. е. ценностный посыл коммеморативного символа, апеллирующий к эмоционально-чувственной сфере [7, с. 162–163]. Следовательно, в основе отбора коммеморативных символов лежит *нравственный принцип*. Важнейшее назначение коммеморативных практик – это нравственное воспитание человека с позиций вечных нравственных ценностей, таких как ценность человеческой жизни, в частности ценность труда (памятники людям некоторых профессий), подвиг во имя Родины (памятники героям Великой Отечественной войны) и др.

С принципом историзма тесно связан *принцип идеологической обоснованности*, в соответствии с которым выбор образа прошлого обусловливается идеологической конъюнктурой, также учитываются только определенные характеристики исторического образа, соответствующие официальным концепциям и установкам властных структур.

Наряду с обозначенными принципами важное значение имеет и *этнический принцип*. При конструировании образов прошлого этноцентризм, свойственный локальным культурам, способствует проработке травматического исторического опыта, преодолению травматического сознания, заполнению культурологических лакун.

Формирование образов прошлого белорусской культуры детерминировано ее полиэтническим характером и многоконфессиональной структурой. *Принцип учета конфессиональной принадлежности* проявляется в религиозной символике и стилистике коммеморативных практик. Этнокультурные и конфессиональные компоненты, обусловленные проживанием на территории Беларуси этнических групп (немецкой, еврейской, татарской), представлены в топонимике белорусского города, архитектурном наследии, памятниках и скульптурных композициях. Например, бронзовая скульптура бобра в костюме городского франта начала XX в., выполненная в еврейских традициях, установлена на пешеходной части ул. Социалистической в Бобруйске и приурочена к «Дожинкам-2006». Местные жители данную скульптуру называют Бобром Самуиловичем (рис. 1). В 2017 г. на пешеходной ул. Ленина в день празднования 920-летия Пинска установлена скульптура, в которой воплощен собирательный образ пинчука-полешука (рис. 2).

Дуальный характер *принципа идентификации* (образы идентифицируемые и идентифицирующие) позволяет проследить формирование образа прошлого на разных уровнях. Например, возрастающее символическое значение Великой Отечественной войны как конститутивного фактора советской идентичности детерминирует маркеры участия в ней (изображение лавровых ветвей, армейских звезд, танков, самолетов и др.).

Эстетический принцип подразумевает облагораживание городской среды с помощью искусства (памятники героям литературных произведений и др.), воздействующего на эмоциональную сферу.

Рис. 1. Скульптура «Бобер»
Fig. 1. Sculpture «Beaver»

Рис. 2. Скульптура «Пинчук»
Fig. 2. Sculpture «Pinchuk»

Государственными институтами, индивидуальными акторами и социальными группами осуществляются осознанное формирование культурной памяти общества, ее инструментализация, при этом на индивидуальную память оказывается давление со стороны коллектива.

Работа, направленная на создание образов прошлого и их воплощение в контексте перечисленных принципов, рассматривается автором настоящей статьи на примерах практик увековечения памяти о деятелях прошлого в ракурсе социокультурной динамики белорусского города, культурно-символической бифуркации, вызванной изменением дискурса памяти.

Восприятие памятников определяется разной политикой памяти, а также различным отношением к истории. В обществе не утихает полемика о навязывании памяти, идентичности, пустоте и захвате пространства.

Например, планы по созданию в Витебске памятника русскому князю Александру Невскому вызвали острую критику в культурных и научных кругах, поэтому на протяжении 2009–2015 гг. его установка откладывалась, хотя постамент был возведен в 2011 г. Чтобы обосновать связь указанной исторической личности с Беларусью, в 2016 г. на площади 1000-летия, доминантами которой являются Благовещенская церковь и Церковь Святого Благоверного Князя Александра Невского, была установлена скульптурная композиция «Князь Аляксандр Неўскі з жонкай, віцебскай княжной Аляксандрай, і сынам Васілём».

Исторические личности, вызывающие неоднозначные оценки в контексте истории Беларуси, порождают конфликты памяти.

В то же время история периодов Российской империи и СССР, отраженная в памятниках и оцениваемая многими исследователями как травматическая, становится основой формирования городского бренда в пространстве белорусского города. Например, идентичность Гомеля, Добруша, Кобрина тесно связана с личностями русских полководцев и государственных деятелей.

Ревитализация памяти о Румянцевых и Паскевичах в Гомеле, о Паскевичах в Добруше имеет устойчивый характер, фиксируется и исследуется как важный составной элемент истории города и основная тема для восприятия городской идентичности. Так, были установлены памятники Николаю Петровичу Румянцеву (Гомель, 1996), Ирине Ивановне Паскевич (Гомель, 2003), Федору Ивановичу Паскевичу (Добруш, 2004; Гомель, 2015). Образы прошлого также запечатлены в урбанонимах, например Гомельская Ирининская гимназия (1997), ул. Ирининская (Гомель, 2013), ул. князя Паскевича (Добруш, 2004); конференциях, в частности «Ирининские чтения» (проводятся с 2003 г.), «Паскевичские чтения» (с 2019 г.), в том числе конференциях, посвященных Н. П. Румянцеву (проводятся с 2008 г.).

Белорусскими историками неоднозначно воспринимается культ в городских практиках образов Румянцевых и Паскевичей[1]. Однако их наследие популяризируется и, более того, на нем строится туристический бренд, что вызывает в том числе противоречивые реакции в обществе, проявляющиеся и в отношении к памятникам (например, к памятникам Суворову, на образе которого построен бренд Кобрина).

Память о русском полководце А. В. Суворове, решение об установке памятника которому в Санкт-Петербурге было принято еще при его жизни[2], активно воспроизводилась в советский период. Если в 1920 г. бронзовый бюст А. В. Суворова, установленный в 1903 г. в имении Суворовых, село Суворово Пензенской губернии, был разрушен большевиками, то уже с середины 1930-х гг. образ великого полководца причислен к пантеону героев, символизирующих советский государственный патриотизм.

С целью морально-психологической подготовки населения к грядущей войне с фашизмом были частично реабилитированы отдельные славные страницы русской военной истории. Началась массовая пропаганда образа непобедимого А. В. Суворова (создавались произведения искусства, устанавливались памятники, основывались музеи), усилившаяся в военный[3] и послевоенный периоды.

Кобрин, в котором генералиссимус жил непродолжительное время в 1797 и 1800 гг. (Екатерина II за подавление восстания Тадеуша Костюшко в 1794 г. подарила полководцу имение Кобринский ключ), представлен как город А. В. Суворова. В его честь здесь установлены три памятника (1949, 1950, 1964), открыт дом-музей[4], названы пешеходная улица, парк и военно-исторический музей[5]. Кроме того, в городе функционируют магазин «Суворовский» и отель с таким же названием.

Кобрин, являясь частью западных белорусских земель, в первой половине XX в. входил в состав II Речи Посполитой. На ее территории начали устанавливать памятники в честь Т. Костюшко. Он был причислен к пантеону национальных героев, а его имя стало синонимом мужества, патриотизма и любви к родине. В начале 1930-х гг. в Кобрине открыли один из памятников Т. Костюшко (скульптуру изваяла местная художница Б. Свитич-Видацкая), в его честь была переименована улица. Кроме того, на месте памятника к 100-летию ознаменования первой победы русских войск над Наполеоном в 1812 г., представлявшего собой двуглавого орла на величественном постаменте (во время Первой мировой войны орел и мраморные доски с памятными надписями сняли немецкие солдаты), также был установлен памятник-бюст Т. Костюшко. В 1940-х гг. его убрали в подсобку местного музея, а на его месте в 1951 г. оказался одноглавый орел, держащий в лапах и клюве венок.

Из фондов кобринского музея бюст Т. Костюшко отправили в Брестский областной краеведческий музей. Только в 1988 г. его установили у здания школы в Малых Сехновичах Жабинковского района. Эта деревня до начала XIX в. принадлежала Костюшко-Сехновичским, здесь располагалась их родовая усадьба, в которой между 1784 и 1790 гг. жил Т. Костюшко. Также в его честь в 1994 г. в местной школе была создана комната, а в 2011 г. открылся Жабинковский районный историко-краеведческий музей, один из залов которого посвящен роду Костюшко-Сехновичских.

Бывший посол США в Беларуси Дж. Крол сообщил журналистам в 2006 г. в канун дня рождения Т. Костюшко о том, что на территории американского посольства в Минске в 2005 г. был открыт первый в истории Беларуси памятник-бюст Т. Костюшко. Еще один памятник Т. Костюшко до 1939 г. стоял на площади в поселке Мир[6] Кореличского района Гродненщины (см. [8, с. 241]). По воспоминаниям жителей, «у цэнтры мястэчка, на рынкавай плошчы, “за польскім часам” стаяў помнік Т. Касцюшку (раней тут быў помнік цару). Потым помнік Касцюшку ў 1939 г. скінулі, а Сталіну паставілі» [8, с. 17].

В советский период активно популяризовался образ А. В. Суворова. В 1952 г. в Витебске перед зданием горвоенкомата на пешеходной улице, носящей его имя, полководцу был установлен памятник.

Социальная энтропия приводит к ксенофобии, деструктивному обращению с памятниками. Так, в 2000 г. вышеназванный памятник А. В. Суворову был похищен, позже найден в изуродованном

[1] *Глушаков Ю.* Немного правды о бывших владельцах Гомеля // Краязнаўчы сайт Гомеля і Гомельшчыны [Электронный ресурс]. URL: http://nashkraj.info/nemnogo-pravdy-o-byvshih-vladeltsah-gomelya/ (дата обращения: 23.06.2021).

[2] Памятник установлен в 1801 г. А. В. Суворов стал первым человеком в России, в честь которого был специально построен мемориальный музей (основан в 1900 г. в Санкт-Петербурге).

[3] Мемориальный музей полководца на Новгородчине открыт 25 октября 1942 г.

[4] Музей включен в Список историко-культурных ценностей Беларуси.

[5] Несмотря на дискуссии о том, нужен ли в Кобрине музей оружия, который охватывал бы всю историю войн на белорусских землях, Кобринский военно-исторический музей им. А. В. Суворова был построен в 1990-х гг. Его согласились открыть при условии, что внутри не должно быть упоминания о А. В. Суворове. Вопреки этому музей носит имя полководца.

[6] В XV в. Мир был городом. С 1579 г. пользовался неполным Магдебургским правом. В составе Российской империи – местечко, центр волости Новогрудского повета Минской губернии. С 1921 по 1939 г. был частью Польши, центром гмины Столбцовского повета Новогрудского воеводства, с 1939 по 1991 г. входил в БССР. С 1956 г. Мир является городским поселком.

состоянии. Работники военкомата его отреставрировали и вернули на прежнее место. В 2008–2009 гг. проведена реконструкция данного памятника: бюст установлен на более высокий новый постамент, а также заменена ограда. В 2015 г. на памятниках полководцу, открытых в Кобрине, появились таблички, обличающие А. В. Суворова в оккупации и участии в захватнических войнах. Подобный инцидент произошел с памятником А. С. Пушкину в 2020 г. в Минске: вандал покрыл красной краской руки скульптуры.

Открытие в 2015 г. в Могилеве бюста А. С. Пушкина (эту скульптуру городу подарил фонд «Аллея российской славы» в честь 70-летия Великой Победы) вызвало негативную реакцию, поскольку на постаменте памятника был размещен отрывок из стихотворения «Клеветникам России», которое написано в связи с подавлением восстания 1830–1831 гг. В результате дискуссий строки с памятника были удалены.

В 2013 г. в Минске состоялась конференция «Династия Романовых в исторической судьбе Западной Руси», посвященная 400-летию дома Романовых, после проведения которой к городским властям поступило обращение с вопросом о восстановлении памятника Александру II (с 1901 по 1915 г. памятник находился в сквере на площади Свободы). В ответе НАН Беларуси на запрос Мингорисполкома указывалось, что восстановление памятника может быть воспринято в обществе как демонстрация символизма российского самодержавия на белорусских землях.

Идеологическая интерпретация Беларуси в русле общерусской исторической концепции постепенно нивелируется. Культура памяти задействует механизмы поиска национальных корней и национальной идентичности в контексте локальной истории. При организации современного городского пространства используется символический ресурс личности, прежде всего знаковой для местного сообщества.

Так, начиная с 2010 г. в Рогачеве и его окрестностях созданы четыре мемориала, связанные с именем В. Короткевича: на одном из домов размещен мурал с портретом писателя; в его честь переименована улица; возле дома, где жил В. Короткевич, установлен камень с мемориальной доской; именем писателя названа центральная районная библиотека. Известно, что прототипом персонажей в произведениях В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» и «Нельзя забыть» был Т. Гриневич – белорусский шляхтич, участник восстания 1863 г., глава повстанческого отряда в Рогачевском уезде. По словам писателя, он был его родственником по материнской линии. В 2016 г. на предполагаемой могиле Т. Гриневича установлены крест и камень. В качестве эпитафии на памятнике использовано высказывание В. Короткевича.

Рис. 3. Лев Сапега
Fig. 3. Lev Sapega

Также городское пространство осваивают граффити-художники. В Рогачеве на стенах домов, кроме портрета В. Короткевича, можно увидеть мурал, посвященный Боне Сфорце и Жигимонту Старому.

В 2015 г. на стене школы в Щучине появилось изображение Ф. Скорины (приурочено ко Дню белорусской письменности). Также портрет гуманиста украшает фасад первого учебного корпуса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (2017). В Витебске среди современных работ можно увидеть настенные портреты М. Шагала на ул. Суворова (2015) и В. Быкова на Московском проспекте (2017).

В основу сюжета граффити, изображенного на фасаде дома по ул. Ленина, 12 в Новогрудке (2019), положена цветная литография «Адам Мицкевич в Новогрудке» (1993) художников Валентина и Лилии Вареца. В Волковыске на фасадах зданий на ул. Социалистической появились сюжетные рисунки, один из которых – «Великий князь Витовт осматривает Волковысскую хоругвь» (2019) – актуализирует исторический образ периода ВКЛ.

Создание репродукций портретов представителей рода Сапег на фасадах домов в Ружанах было приурочено к празднованию фестиваля «Дожинки-2019». Выполненные из дуба скульптуры Льва и Казимира Сапег, Владислава IV Вазы, Боны Сфорцы и др., тематически связанные с вручением городу Магдебургского права в 1637 г., украшают Ружанский сквер. Также скульптуры расположены на ул. Советской – центральная улица современного городского поселка. Памятник Льву Сапеге установили ко Дню белорусской письменности в 2019 г. на центральной площади Ленина в Слониме (рис. 3).

В этом же году в Поставах на ул. Советской открыли памятник А. Тизенгаузу, обозначив таким образом историческое значение государственных и общественных деятелей ВКЛ в развитии городов.

В 2020 г. в Минске на располагающемся на ул. Кузьмы Чорного фасаде дома по инициативе одного из его жильцов был изображен портрет к 120-летию со дня рождения этого белорусского писателя (рис. 4).

В 2021 г. портрет Я. Дроздовича размещен на фасаде здания на ул. Юбилейной в Дисне (рис. 5). Художник учился в Дисненской гимназии. Делая зарисовки местных пейзажей, а также собирая произведения фольклора, он начинал свой творческий путь.

Рис. 4. Кузьма Чорны
Fig. 4. Kuz'ma Chorny

Рис. 5. Язеп Дроздович
Fig. 5. Jazep Drozdovich

В Ушачах[7] на средства, собранные с использованием краудфандинга, в 2021 г. установили памятники-бюсты В. Быкову и Р. Бородулину[8] (рис. 6, 7).

Оба памятника расположены на углу улиц Советской и Ленинской. В данном случае можно провести параллель с памятником Наполеону Орде, установленному в 1997 г. в Иваново на перекрестке улиц Ленина и Советской.

На сайте Кобринского райисполкома на общественное обсуждение вынесен план размещения на фасадах домов центральных улиц города графических портретов Франциска Скорины, Боны Сфорцы, Анны Ягеллонки, Антония Тизенгауза, Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича, Элизы Ожешко, Наполеона Орды, Павла Шпилевского, Кастуся Калиновского, Бальбины Свитич-Видацкой, Марии Родзевич, Василя Быкова, Алеся Адамовича, Нила Гилевича, Рыгора Бородулина и др.[9]

В белорусской городской топонимике, менее подверженной изменениям, особенно в центральной части города, сохраняются советские названия, однако смысловой потенциал этих урбанонимов и памятников постепенно утрачивается: они воспринимаются как пространственные указатели [9], названия станций общественного транспорта, территориальные ориентиры.

Переименование улиц происходит нечасто. Например, в Добруше ул. Карла Маркса стала называться ул. князя Паскевича (2004), в Слониме площадь Горького – площадью Сапеги (2013). Имена знаковых представителей белорусской культуры присваивают в основном улицам в новых микрорайонах городов. Например, в Минске в микрорайоне Михалово появились улицы Льва Сапеги (2007), Тышкевичей и Острожских (2014), Ельских (2016). Благодаря обращению Общества белорусского языка имени Франциска Скорины к депутатам Несвижского райсовета в сентябре 2020 г. проектируемой улице присвоено имя Владимира Жилки, репрессированного в 1931 г. по делу «Союза освобождения Беларуси». Данное событие было приурочено к 120-летию со дня рождения поэта.

[7]В 1758 г. местечку Ушачи были дарованы Магдебургское право и герб. Ушачи после первого раздела Речи Посполитой (1776) стали в составе ВКЛ центром земель бывшего Полоцкого воеводства, после второго раздела (1793), уже будучи частью Российской империи, – заштатным городом, центром Лепельского уезда Витебской губернии, с 1924 г. – центром района, с 1938 г. – городским поселком.

[8]Ранее памятник Р. Бородулину был установлен на могиле писателя в 2016 г. Камень для памятника обнаружили на Ушаччине около Кубиличей, где в школе учился В. Быков.

[9]Изучение общественного мнения о размещении муралов на стенах зданий в городе Кобрине // Новостной портал Кобрина [Электронный ресурс]. URL: https://www.kobrincity.by/news/izuchenie-obshchestvennogo-mneniya-o-razmeshchenii-muralov-na-stenakh-zdanij-v-gorode-kobrine.html (дата обращения: 23.06.2021).

Рис. 6. Василь Быков
Fig. 6. Vasil' Bykov

Рис. 7. Рыгор Бородулин
Fig. 7. Rygor Borodulin

В современной культуре проявляется тенденция, свойственная для культуры эпохи модерна, когда универсальной формой культурной идентичности является нация, стремящаяся предстать исторически древней, что детерминирует востребованность образов прошлого.

Заключение

Механизмы циркуляции культурной памяти при образовании новых объектов и памятных мест активно задействуют образы прошлого, формирование которых происходит в соответствии с принципами историзма, идеологической обоснованности, учета конфессиональной принадлежности, идентификации, а также согласно нравственным, этническим и эстетическим принципам. Генерирование знаковых объектов-символов, отличающих один город от других, способствует воссозданию культурных смыслов, заложенных в истории и традиции. В настоящее время проблемы значимых мест памяти поднимаются как на уровне общественных инициатив, так и государственных программ, предусматривающих развитие белорусских городов, малых и средних городских поселений.

Значение коммеморативных практик, переосмысление исторических событий, с точки зрения истории локального сообщества, возрастает в периоды формирования и консолидации наций, оказывает влияние на идентификацию субъекта с нацией и осознание национальной монолитности. В этом случае памятник представляет собой универсальную форму воплощения и трансляции национальной идеи.

Библиографические ссылки

1. Мазур ЛН. Образ прошлого: формирование исторической памяти. *Известия Уральского федерального университета. Серия. 2. Гуманитарные науки*. 2013;3(15):243–256.

2. Мысливец НЛ. Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект. *Социально-гуманитарные знания*. 2018;1:157–164.

3. Мысливец НЛ. Память о прошлом в пространстве современного города. Социологический альманах. 2018;9:107–113.

4. Репина ЛП. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти. *Новое прошлое / The New Past*. 2016; 1:82–99.

5. Шуб МЛ. Актуальность в зеркале минувшего: основные содержательные черты современного образа прошлого. *Вестник культуры и искусств*. 2020;1:45–52.

6. Лотман МЮ. Культура и взрыв. В: Лопшан МЮ, составитель. *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб; 2000. с. 12–150.

7. Шуб МЛ. Феномен коммеморации: опыт культурологического анализа практик публичного поминовения (на примере наименований улиц Челябинска). *Обсерватория культуры*. 2018;15(2):161–169. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169.

8. Раманава І, Махоўская І. *Мір: гісторыя мястэчка, што расказалі яго жыхары*. Вільня: ЕГУ; 2009. 248 с.

9. Саенко НР, Шипицын АИ. Культурно-символическая политика в отношении городской скульптуры. *Вопросы культурологии*. 2010;12:80–84.

References

1. Mazur LN. [The image of the past: the formation of historical memory]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* 2013;3(15):243–256. Russian.

2. Myslivets NL. Images of the past in historical memory: theoretical and methodological aspect. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya.* 2018;1:157–164. Russian.

3. Myslivets NL. Memory of the past in the space of a modern city. *Sotsiologicheskii al'manakh.* 2018;9:107–113. Russian.

4. Repina LP. Events and images of the past in historical and cultural memory. *Novoe proshloe / The New Past.* 2016;1:82–99. Russian.

5. Shub ML. [Relevance in the mirror of the past: the main content features of the modern image of the past]. *Vestnik kul'tury i iskusstv.* 2020;1:45–52. Russian.

6. Lotman MYu. [Culture and explosion]. In: Lopshan MYu, compiler. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb; 2000. p. 12–150. Russian.

7. Shub ML. Commemoration phenomenon: an experience of culturological analysis of public commemoration practices (by the example of Chelyabinsk streets naming). *Observatory of Culture*. 2018;15(2):161–169. Russian. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-161-169.

8. Ramanava I, Mahowskaja I. *Mir: gistoryja mjastjechka, shto raskazali jago zhyhary* [Mir: the history of the town, told by its inhabitants]. Vil'nja: European Humanities University; 2009. 248 p. Belarusian.

9. Saenko NR, Shipicyn AI. [Cultural and symbolic policy in relation to urban sculpture]. *Voprosy kul'turologii.* 2010;12:80–84. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2021.
Received by editorial board 24.06.2021.